

Сергей
Баунт

КУКЛА

Сергей Баунт

Кукла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288795

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждый однажды встречался с необъяснимым. Эта история известна всем в том поселке...

Сергей Баунт

Кукла

Я нашёл её на свалке, на обычной поселковой свалке. В те годы (это было начало семидесятых) с игрушками было туго. Купить игрушку в магазине могли позволить себе только богатые жители посёлка. На далёком северном прииске к таким относились те, кого мы, дети, подражая старшим, называли «конторскими». Все они жили в одинаковых двухквартирных домах, расположенных на небольшой улочке за детским садом.

На нашей улице мы добывали игрушки сами. Иногда воровали, если была такая возможность, а иногда находили, но чаще всего мы организовывали поход на свалку.

О, свалка! О ней следует рассказать отдельно. Километрах в двух от посёлка дыбилось перепаханное чёрными кучами поле чудес, окружённое зелёными заливными лугами.

Чтобы попасть туда с нашей улицы, сначала надо было пройти через огороженное полуразрушенным забором поле, почему-то считавшееся вторым школьным стадионом, а далее путь пролегал через кладбище.

Иногда мы заходили на это кладбище и с преувеличенно серьёзными лицами подходили к могилам родственников или знакомых. Постояв недолго, мы с чувством исполненно-

го долга отправлялись дальше – к своим золотым россыпям.

На свалке мы разбрелись в разные стороны, стараясь в первую очередь найти свежие кучи, которые ещё не успел разгрести трактор.

Подбирали останки машинок (особенно ценились пластмассовые колёсики – они терялись первыми), необычной формы пузырьки и вообще любую пластмассу. Из неё можно было делать «дымовухи» или просто, надев на палку какую-нибудь пластиковую штуковину, зажечь в костре и замороженно смотреть, как, визжа, летят на землю горящие капли.

Там я и нашел её. Она лежала прямо на куче, словно приехала не в кузове с мусором, а кто-то специально положил её сверху на подгнившие, слежавшиеся тряпки. Кукла была на удивление целой. Я совру, если скажу, что у меня ёкнуло сердце или я вообще что-нибудь почувствовал.

Сестры, которой можно было отнести находку, у меня не было, а подарить куклу какой-нибудь девчонке из нашей компании было опасно. Можно было нарваться на град насмешек и навсегда прослыть девчачьим ухажером.

Поэтому я сразу подумал о том, что это – куча пластмассы, а если оторвать руки и ноги, то они словно специально сделаны для того, чтобы насаживать их на палку. Пацаны, увидев мою находку, поддержали меня: «Классно будет гореть».

В нашей ограде – между сараем, в котором стоял мотоцикл, и поленницей, сложенной вдоль забора – находился

небольшой закуток. Мы с младшим братом накрыли его куском шифера, и у нас получился отличный складик, где мы держали свои сокровища (главной ценностью был велосипед «Пионер» – один на двоих). По возвращении домой там я и бросил добытые на свалке вещи.

Летом мы с братом жили в небольшой избушке – так называемой «летней» кухне. Утром, когда организм погнал меня в туалет, я увидел на крылечке куклу со свалки. Отпихнув её с дороги, я вяло подумал про собаку, которая могла притащить пупса.

Почти каждый вечер разномастная компания с нашей улицы, состоящая из парней и девчонок всех возрастов, наигравшись в футбол или лапту, шла в лес, благо тайга подходила прямо к домам, и там ребята жгли костёр.

Это так и называлось – «костёр». Запросто можно было услышать фразу: «Пойдём сегодня на костёр» или «Встретимся на костре». Как классно будет зажечь там кусок пластмассы и ходить с горящим факелом в руке, оставляя за собой горящий след из капель пластика и пугая визжащих девчонок!

Вечером я переворошил весь свой склад, обыскал всю ограду и дал подзатыльник брату, требуя отдать куклу. Всё тщетно.

На другой день, следуя утреннему распорядку, я выскочил в туалет и увидел стоявшую под окном пластмассовую фигурку. «Убью гада!» – разозлился я на брата. Не за то, что

он спрятал куклу, а за то, что выставил её под окном – в насмешку надо мной.

Схватив злополучную игрушку, я забросил её на поленницу. Потом забыл о ней. Не помню, сколько прошло времени: может, месяц, может, чуть больше. Дело было уже к школе.

Однажды, проснувшись, я увидел её на своей кровати, в углу. Шевельнув ногой, я скинул её на пол и подумал про брата: «Где он её опять нашёл?». После этого снова заснул, а когда проснулся окончательно, кукла снова лежала на моей кровати:

– Ты достал! – закричал я и бросил куклу в спящего на соседней кровати брата.

Ничего не соображая, тот проснулся и сразу кинулся ко мне драться. Хоть я и был старше и всегда побеждал, его это никогда не останавливало.

После того как я разбил ему нос, из его всхлипываний стало понятно, что он не имеет никакого отношения к появлению куклы. Недоумевая, кому понадобилось так шутить, – ни на мать, а уж тем более на строгого отца, которого я боялся, я даже подумать не мог, – я поднял куклу и стал её разглядывать.

Ничего особенного: выцветшие нарисованные серые волосы, когда-то бывшие коричневыми; такие же выцветшие серые глаза – теперь уже не поймёшь, какими они были; ноги и руки со слепленными литыми пальцами. Единственное, что удивило – от неё не пахло. Обычно все вещи, добытые на

свалке, несмотря на всяческие стирки в ворованном у матери порошке, сохраняли специфический запах очень долго, а эта пахла только старой пластмассой. Так ничего и не поняв, я забросил игрушку под кровать и снова забыл о ней.

Наступили холода и, чтобы не жечь дрова в двух печках, мы с братом перекочевали в избу. Но оказалось, что и кукла не осталась зимовать в избушке. Однажды пьяный отец здорово разозлился, споткнувшись об неё. Он схватил куклу и, матерясь, кинул в разгоравшуюся печь.

Я бросился к печи и, схватив кочергу, достал начавшую чернеть фигурку. Потом вынес её на улицу и долго оттирал снегом.

Ночью мне приснилось, как я не успеваю вытащить её из огня, а она тянет ко мне ручки, которые сворачиваются и тают от жара. Проснувшись, я обнаружил куклу у себя на подушке. «Совсем с ума схожу» – подумал я, засыпая.

Так она и прижилась в доме. Мне кажется, я тогда уже начал догадываться, что с куклой что-то неладно. Но не растущему мальчишке сидеть и анализировать, что происходит в доме, и почему мы никак не можем избавиться от обычной игрушки. Какой-то барьер, взращённый годами нигилистического отношения к сверхъестественному, не давал мне, настоящему пионеру, а позже – комсомольцу, поверить в мистическую природу происходящего.

Младший брат стал бояться её. Когда он видел куклу, сидевшую где-нибудь под столом, то сразу начинал орать:

– Серега, убери свою страшилку отсюда!

Мать с отцом тоже не жаловали странную игрушку. Отец, заметив куклу, нередко пинал её, ворча, что девчонок нет, а кукол полон дом. Но стоило только ей исчезнуть с наших глаз – все дружно забывали о ней.

Лишь между нами – мной и куклой – установилась связь. Просыпаясь, я частенько скидывал её со своей подушки, а когда долго не видел, то начинал испытывать дискомфорт.

Шли годы. Мы росли, родители старели. Я закончил десятый класс и собирался ехать в город – поступать в институт. В это время отец перешёл на работу в райцентр, и ему дали там квартиру в новеньком двухквартирном брусовом доме.

Этот переезд до сих пор помнится мне как одно из счастливейших впечатлений детства, несмотря на сильнейшее потрясение, которое я тогда испытал.

Для перевозки вещей пришлось дважды ездить на стареньком бортовом ГАЗ-51, который отец взял на новой работе. Весь деревенский скарб (вещи тогда не выбрасывались) перевезти за один раз не удалось.

– Ничего, тяжёлое перевезли. Все остатки привезём на мотоцикле. Вон Серёге делать нечего, пусть поедит, – успокоил отец встревоженную мать.

Новый дом, атмосфера переезда, скорый отъезд в манящий город – все это переполняло меня. Дополнительная радость – целый день погонять на мотоцикле, ездить на котором отец разрешал очень редко.

Лихо проскочив по родной улице, я подрулил прямо к калитке. У ворот, на земле, лежала брошенная кукла.

Весь этот переезд был для меня рубежом, за которым я оставлял старый дом, школу, друзей с нашей улицы, а по большому счёту – детство. Одинокое лежавшая на земле игрушка в этот момент показалась мне олицетворением всего того старого, изношенного и надоевшего, что я должен был отринуть, вступая в новый, красивый мир.

Подняв, я обтер её и занёс в опустевшую избу. Окна без занавесок выглядели неприятно и неудобно. Согнув кукле ножки, я усадил её на подоконник, выходявшего на улицу, окна. Потом в последний раз обошёл пустой дом и отправился проверить избушку и сарай. Ничего такого, за чем стоило бы ещё приезжать, не осталось.

Повесив на все двери замки, я накрыл тряпки, лежавшие в люльке, брезентом и завёл мотоцикл. Усевшись в седло, в последний раз оглянулся на кажущуюся теперь такой маленькой избу. Куклы в окне не было. «Упала», – с грустью подумал я и, газанув, тронулся с места.

Длинный летний день заканчивался, когда я подъехал к новому дому. Открыв большие ворота, я загнал мотоцикл во двор. Вокруг тут и там лежали вещи, не нашедшие ещё места в новом доме. Из открытых настежь дверей доносился вкусный запах жареного мяса: родители решили отпраздновать переезд.

Я поспешил разобрать привезённые вещи и когда поднял

узел с тряпками, оттуда выскользнула кукла.

– Да что ты! Всю жизнь, что ли, будешь за мной гонять-ся! – злость захлестнула меня. Казалось, то, что я оставил навсегда, вновь настигло меня: – Всё! Сожгу на хрен!

В тот момент я действительно был способен на подобное. Я думаю, кукла почувствовала это. Она вдруг вскочила и быстро-быстро, не по-человечески перебирая негнушимися ногами, побежала. Огибая разбросанные вещи, она неслась прямо в открытые двери. Руки во время движения не двигались, оставаясь разведёнными в стороны.

Сейчас я уже не помню, чего в тот момент во мне было больше – удивления или страха. Точно помню, что было осознание того, что я всегда подспудно ждал этого – однажды она оживёт.

Выйдя из ступора, я тоже рванул в дом. Отец с братом уже сидели за столом, а мать ещё возилась у плиты.

– Где она?! Куда она делась?!

Все непонимающе смотрели на меня.

– Чё орешь? С ума сошел? – отец даже перестал нарезать хлеб.

– Кукла! Кукла сюда забежала! Неужели вы не видели?

– Какая кукла?

– Ну, та! Наша!

– Не было здесь никого. Никакой куклы, – мать подошла ко мне и приложила руку ко лбу: – Ты сегодня весь день голоухий, на этом мотоцикле. Продуло тебя.

– Да вы что? Ведь только забежала!

Не веря им, я пошёл по комнатам, заглядывая во все углы. Я никого не нашёл. Весь вечер я время от времени поднимался и вновь обходил дом, не в силах успокоиться.

А ночью мне стало плохо. Несколько суток я был на грани. Температура поднималась почти до сорока градусов. Внезапная ангина. Я бредил. Как рассказывала потом мать, я всё время рвался искать кого-то.

Утром – не знаю, на какой день – я проснулся ослабевший и лёгкий. Над головой был потолок с незнакомыми трещинками. Почувствовав, что кто-то смотрит на меня, я повернул голову. В дверях комнаты стоял брат. Он улыбнулся:

– Живой?

В ответ я попробовал кивнуть в знак согласия.

– Не шевелись. Потом, когда встанешь, посмотри вот сюда, под койку, – сказал он и показал в угол между моей кроватью и печкой.

Как только я смог сам вставать с постели, я сполз на пол и, встав на колени, заглянул под кровать. В самом углу, в половице, была пропилена дыра. Всё правильно: подполье, где хранится картошка, должно проветриваться.

Вот куда она убежала. Мне стало легче. Значит, все произошло на самом деле.

Больше я её никогда не видел.

В конце лета я уехал поступать. Не поступил. Вернулся домой, но ненадолго – осенью меня забрали в армию.

Опять же осенью, но уже через два года, демобилизовался. После радостной встречи я осторожно спросил про куклу. К моему удивлению, даже брат, который когда-то так её боялся, не понял, про что я спрашиваю.

Всё, связанное с ней, совершенно исчезло из памяти моих родных. Эта тайна нашего дома теперь принадлежала только мне. Не проведя дома и месяца, я уехал с другом на БАМ (была в то время такая всесоюзная стройка). Началась моя взрослая жизнь.

Первые годы, приезжая домой в отпуск, я сразу заглядывал под кровать – дыра на месте? Вечером, когда никто не видел, я опускался возле неё на колени и мысленно звал игрушечное создание.

Всё напрасно. Думаю, когда я захотел уничтожить её, хрупкая связь между нами оборвалась.

Жизнь продолжалась. Я женился. Одна за другой у меня родились две дочери. Когда они подросли, я рассказал им про куклу. Приезжая к бабушке, они приставали к ней с просьбой показать игрушку. Мать отмахивалась: дескать, вы больше слушайте вашего папашу, он ещё и не такое расскажет.

Трагически погиб мой младший брат. Приехав на похороны, я, как всегда, ночевал в своей бывшей комнате. После поминок, когда все разошлись, я прилег на кровать. Не спалось. Я очень любил брата, и сейчас перебирал в памяти все, что запомнилось больше всего.

Только сейчас я отчетливо понял: всё – мы больше никогда не сможем посидеть за столом, подначивая друг друга; не с кем будет поделиться секретом про любовные победы на стороне; выпив, мы не будем устраивать поединки на руках, проверяя кто из нас сильнее. Вообще – ничего вместе не будет.

Не выдержав, я заплакал. Плакал я тихонько, чтобы никто не услышал, не открывая глаз и вытирая простынёй слёзы. Вдруг кто-то погладил мою руку, свесившуюся с кровати. Страх морозом собрал кожу у меня на затылке. И тотчас прозвучал негромкий топот маленьких ножек.

Как ошпаренный, я подскочил к выключателю. Никого. Схватив висевший на стене фонарик, я открыл люк подполья и спрыгнул туда. Напрасно до боли я вглядывался в темноту подполья: ни следов, ни движения.

Но я знал – она меня пожалела. Она помнила обо мне...

Мои дочери выросли. У меня появились две внучки. Жизнь шла своим чередом. Теперь приезд в гости к стареньким родителям я старался совместить с приездом семьи старшей дочери, чтобы увидеть ещё и моих ненаглядных внучек.

Однажды летом все так хорошо совпало, что мы все собрались и должны были провести в родительском доме целый месяц.

Старшую внучку – ей было четыре годика – постоянно приходилось «выковыривать» из самых неподходящих, са-

мых грязных мест. Младшенькая – она только начала ходить – мужественно рвалась за ней.

Однажды, войдя в комнату, в которой я останавливаюсь много лет, я застал там обеих внучек. Они держались за руки и с интересом разглядывали дыру в полу.

– Деда, там куколка! – сказала, посмотрев на меня, старшая.

Я с размаху сел на кровать. Они её видели! Она показалась им!

Словно тяжкий груз свалился с моих плеч. Меня уже много лет мучило одно видение: на земле, в полной темноте, сидит, опершись на ручки, маленькая фигурка. Неподвижные глаза смотрят в пустоту. Зиму сменяет лето, затем опять зима, и опять... а она всё сидит – одинокая пластмассовая игрушка.

Я не знаю, кто она, и откуда она пришла в этот мир. Но я знаю точно – ей нужен друг. И я надеюсь – с моими внучками у неё это получится лучше, чем со мной.